

Гудит завод, шагают октябрюта,
Шуршит под башмаком осенний лист,
А мама Генку повела куда-то
Анализы сдавать на яйца глист.

У мамы голос тверд, а график точен,
с ней спорить абсолютно ни к чему.
Конечно, Генка маму любит очень,
Но не взаимно, кажется ему.

В родном дворе друзья играют в прятки.
Кругом висят плакаты: «Миру — мир!»
Мороженщица толстая в палатке
Румяным детям продает пломбир.

Палатка — по пути, палатка прямо,
Во рту скопилась горькая слюна:
«Пломбир! Давай пломбира купим, мама!»
«Я запрещаю», — говорит она.

Но как же так? Любой ребенок мира
Мороженое летом должен есть!
А я шесть лет не пробовал пломбира!
А мне как раз сегодня ровно шесть!

Едят пломбир в Америке, Европе,
Едят пломбир у нас, какой в нем вред?
Но мама — больно хрясь его по попе:
«Я запретила, это значит: нет!»

И Генка, от обиды шмыгнув носом,
Пошел за мамой молча через парк.
И снова обратился к ней с вопросом:
«Давай мы купим нам воздушный шар?»

Он будет красным, как победы знамя!
Он полетит на ниточке вперед!
Как будто он сегодня тоже с нами
Анализ в поликлинику несет!»

Но мама жестко, не моргнув и глазом,
Ответила ему: «Конечно, нет.
Шары содержат примеси и газы,
А также в них большой моральный вред».

Не спорит Генка, спорить тут не надо,

подобный спор всегда чреват бедой.
Но впереди аллеи автоматы
с прекрасной газированной водой.

«Давай мы внутрь бросим три копейки!
А если жалко — то одну всего!
И автомат нальет в стакан из лейки
с сиропом воду или без него!»

Но вдруг, себя почувствовав неловко,
Он замолчал и услышал в ответ:
«Тебе я запретила газировку!
А запретила — это значит: нет!»

— «Но почему?» — «Там грязные стаканы».
— «А мы помоем!» — «Замолчи, не ной».
— «Мы сбегаете домой помыть под краном!
Мы принесем стакан из дома свой!

Ведь все же пьют!» — «А ты на всех не тыкай!»
— «Но всем же можно!» — «А тебе — никак!»
— «Но все ребята: Вовка, Вероника
— они же...» Но в ответ по попе — шмяк:

«Сказала «нет»! Не будет газировки!
А чтоб не вздумал спорить и кричать,
ты с завтрашнего дня не дружишь с Вовкой
и запрещаю во дворе гулять!»

— «Ах, мама, мама, ты такая злая!»
— «Я злая? Почему же? Вовсе нет.
Запомни, сын: чем больше запрещаешь,
тем больше пользы и тем меньше вред».

И Генка замолчал. Он шел за мамой
К районной поликлиники крыльцу,
Но было у него лицо упрямо,
И злоба пробежала по лицу.

И с яростью, нехарактерной детям,
он все шептал: «Клянусь, я отомщу!
Я вырасту! И людям всем на свете
Я все на свете тоже запрещу!

Я запрещу, что надо и не надо!
Я покараю весь жестокий мир!

Я отомщу за каждую досаду!
За каждый мне не купленный пломбир!

Я вырасту! Я буду главный самый!
Я вам припомню! Я вам не прощу!
Я запрещу все то, что любит мама!
И все, что любит папа, запрещу!

Я запрещу газеты, пароходы!
И цирк! И диафильмы! И кино!
Латвийские диковинные шпроты!
Грузинское, молдавское вино!

Я запрещу футбол и карусели!
Поездки к морю взрослых и детей!
Скакалки, прятки, салочки, качели!
И всех на свете птиц! И всех свиней!

Я запрещу из Минска простоквашу!
И молоко, и пиво по стране!
И кашу — слышишь, мама? — кашу,
которую ты утром варишь мне!

Скажу „нельзя“ — и словно встанет стенка!
Скажу „нельзя“ — и задрожит страна!
Я вырасту! — шептал сквозь зубы Генка:
— И месть моя окажется страшна!